

Б. В. СОКОЛОВ

Врангель. Жизнь и смерть за Россию

<Фрагменты>

В эмиграции Врангель оставался приверженцем монархической идеи, но считал, что ее нельзя выдвигать открыто, поскольку это может оттолкнуть многочисленные разношерстные эмигрантские круги от кадетов до социалистов.

Шестнадцатого января 1922 года Врангель ответил на письмо бывшего донского атамана П. Н. Краснова, предлагавшего открыто выдвинуть лозунг «За Веру, Царя и Отечество»: «Вы не можете сомневаться в том, что по убеждениям своим я являюсь монархистом и что столь же монархично, притом сознательно, и большинство Русской армии.

Я останавливаюсь на слове “сознательно”, так как хотел этим подчеркнуть, что нынешняя Русская армия, в отличие от старой, императорской, стала сознательной, но, конечно, не в дурном, опошленном революцией смысле этого слова, а в лучшем его значении.

Тяжелые испытания последних годов, а в особенности пребывание на чужбине, научили многому каждого из чинов армии, до простого солдата включительно. Патриотизм, любовь к Отечеству, преданность престолу стали понятиями осознающими, продуманными и прочувственными, а отнюдь не механически воспринятыми на “занятиях словесности” и поверхностно усвоенными. Вместе с тем на первое место выдвигается понятие о “Родине”, и яркое сознание необходимости посвятить себя служению Родине является той полной нравственной силой, которая связывает всех чинов армии в единое стройное целое и которая позволила ей выйти победительницей из пережитых ею испытаний.

В императорской России понятие “монархизма” отождествлялось с понятием “Родины”. Революция разорвала эти два исторически неразрывных понятия, и в настоящее время понятие о “монархизме” связано не с понятием о “Родине”, а с принадлежностью к определенной политической партии.

Нужна длительная работа, чтобы в народном сознании оба эти понятия вновь слились воедино. Пока этот неизбежный процесс завершится, причем вне всякого со стороны насильственного воздействия, пока оба эти понятия не станут вновь однородными, пока понятие “монархизма” не выйдет из узких рамок политической партии, армия будет жить только идеей Родины, считая, что ее восстановление является реальной первоочередной задачей...

Те или иные лозунги могут быть провозглашены в армии лишь тогда, когда они сделаются достоянием многочисленного русского народа, когда они стихийно зальют русскую землю, поглотив в себе все прочие чуждые народу, ему силой навязанные, непонятные ему идеи.

Идея служения Родине сама по себе так велика, диктуемые ею задачи так многообразны, что в ней, в этой всем понятной идее, надо искать то начало, которое должно объединить армию, народ и все государственно мыслящие и любящие Родину элементы».

О том же Врангель 12 января 1922 года писал публицисту и историку Русской православной церкви А. В. Карташеву¹: «...Политическое “кредо” Армии ясно и высказывалось многократно и мной, и моими ближайшими помощниками, в частности С. Н. Ильиным в Париже в заседании Бюро национального комитета: Армия ведет борьбу не за монархию, не за республику, а за Отечество. Она не пойдет за теми, кто захочет навязать России, помимо воли народа, тот или иной государственный правопорядок, но станет на страже того порядка, который будет установлен действительно свободным изъяслением народной воли. Вы бесконечно правы, говоря, что требуется величайшее терпение и величайшее искусство разобраться в той сложной обстановке, в которой протекает теперь эта воля народа. Один неверный шаг может вызвать недоверие народных масс, и тогда дело возрождения России опять может затянуться на несколько лет.

Эта кропотливая работа проникновения в психологию масс с чистыми национальными лозунгами может быть выполнена лишь при сознательном отрешении от узкопартийных, а тем более классовых доктрин и искренности в намерениях построить государство так, чтобы построение удовлетворяло народным чаяниям.

Строить придется в потемках, а потому строителям нужно быть глубоко осторожными, дабы не разрушилось воздвигаемое ими здание...»

Все прошлое России, считал Врангель, говорит за то, что она рано или поздно вернется к монархическому строю, но не дай бог, если строй этот будет навязан силой штыков или белым террором. Если же в России волей народа установится республиканская форма правления, каждый честный монархист должен будет с этим примириться и быть вернейшим слугой своей Родины.

И снова барон призывал к единению рядов эмиграции: «...если она претендует на то, чтобы принять какое-либо участие в воссоздании

Родины, она должна вернуться домой единым фронтом, с единой программой, с единым лозунгом — Отечество...

Я убежден, что мы могли бы легко найти общий язык и сговориться; для этого нужно лишь отрешиться от узкопартийных программ, от предвзятого, диктуемого воспоминаниями отношения к некоторым именам и объединиться в одном чувстве — любви к Отечеству и желании работать на его благо...»

Сами по себе лозунги служения Родине или Отечеству ни у кого из эмигрантов возражений не вызывали. Но они были слишком абстрактны, требовали конкретики. А с ней было туго. Врангель слишком хорошо сознавал, что как раз понимание служения России, равно как и представление о ее будущем, у разных политических групп весьма различно. Он оставался на позициях непредреждения политического строя в освобожденной от большевиков России и поддерживал стоявших на этих позициях членов Русского национального комитета в Париже.

Весной 1922 года Врангель писал А. И. Гучкову, с которым очень сблизился в эмиграции: «На затронутый Вами вопрос о своевременности провозглашения монархической идеи как лозунга для продолжения борьбы с Советской Россией я повторяю, что неизменно говорил в течение многих месяцев: преждевременное провозглашение монархического лозунга я считаю пагубным именно в интересах восстановления у нас монархического строя. Ставка слишком велика для того, чтобы можно было ею рискнуть. Если монархическая идея получит новое поражение, то это поражение будет особенно тяжким и надолго затянет обрисовавшийся в настоящее время кризис России».

Петр Николаевич не исключал даже, что народ может принять формулу «Монарх и Советы». К тому же к монархическим лозунгам настороженно относились союзники по Антанте. В то же время Врангель писал Гучкову, что армия на 90 процентов состоит из монархистов. Количество эмигрантов-монархистов главнокомандующий, возможно, и преувеличивал, но популярность монархических лозунгов среди тех, кто остался в рядах армии в Галлиполи, сомнений не вызывает.

Девятнадцатого сентября 1922 года Врангель издал приказ об устройстве своей армии за границей: «Дружными усилиями всех чинов армии русские воины на чужбине стали ныне на работу. Я получил возможность обратить скудные средства казны на помощь нетрудоспособным, состоящим при частях инвалидам и семьям военнослужащих; им отныне обеспечено ежемесячное пособие. На случай зимней безработицы для безработных ассигнованы средства. На местах групповых работ будут приняты меры по улучшению быта войск — открыты околотки, оборудованы мастерские, организованы читальни; части будут снабжаться

газетами. Отпущены средства на содержание училища. Несмотря на то, что болгарское правительство доселе отказывало в дальнейших денежных отпусках из депонированных нами болгарскому правительству сумм, удалось не только продолжить остановленные после 1 сентября денежные отпуска, но и провести ряд мер по облегчению тяжелых материальных условий жизни чинов армии. Это оказалось возможным благодаря той помощи, которую оказали мне все гг. офицеры, солдаты и казаки. Дружно откликнувшись на мой призыв, в сознании необходимости общими силами сохранить на чужбине родную армию, вы не погнушались черной работой. В трудные дни вы вновь явили величие русского духа. Низкий вам поклон».

Главнокомандующий заботился не только о материальном, но и о политико-идеологическом состоянии армии. Так, 8 декабря 1922 года он издал приказ, где говорилось: «...Русская армия не может быть названа аполитичной. Сама природа Гражданской войны зачисляет каждую из борющихся сторон в тот или другой политический лагерь, в данном случае большевистский-интернациональный или антибольшевистский-национальный.

Будучи прежде всего национальной, Русская армия собрала под своими знаменами всех тех, кто в стремлении освободить Россию от врага... общего для всех национальных партий борется за русскую национальную идею.

Доколе эта борьба не закончена, вокруг Армии должны, казалось бы, объединиться все — от республиканца до монархиста.

Армия ставит своей задачей свержение большевизма для обеспечения народу свободного волеизъявления по вопросу о будущей форме государственного устройства России. Впредь, до выражения народом своей воли, Русская армия будет вести борьбу не за монархию, не за республику, а за Отечество».

Армия представлялась Врангелю средоточием всего лучшего, что еще осталось в России. Она должна была быть носителем определенных идеологических ценностей, но оставаться вне политической борьбы. 10 октября 1923 года, выступая с речью на собрании представителей русских воинских союзов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, он заявил: «Русская армия — это не только последняя горсть защитников родины, это не корниловцы и марковцы, не гвардейцы — последний батальон Императорской Гвардии, это не донские, кубанские, терские казаки; Русская армия — это все русское воинство, оставшееся верным русскому знамени. Русская армия — это все, что не Совдепия, это Россия...

И пока не умерла Армия — Россия жива...

Начатая десять лет назад борьба за родину не кончена, и вставшая по призыву Царя Русская армия, ныне в изгнании, в черном труде, как некогда на поле брани, отстаивает честь России.

Пока не кончена эта борьба, пока нет Верховной Русской Власти, только смерть может освободить русского воина от выполнения долга.

Этот долг для меня, стоящего во главе остатков Русской армии, — собрать и сохранить русское воинство за рубежом России.

Так, окруженный врагами, отбивая знамя, призывает к себе остатки родного полка командир знаменного взвода.

И не себе я ищу подчинения. Собрав последние остатки Русской Императорской Армии, я буду ждать приказа Того, Кто остался для нас Верховным Главнокомандующим.

Он волен будет поставить во главе вас того, кто наиболее достоин.

Ставя долгом своим собрать и сохранить Русскую армию на чужой земле, я не могу допустить участия ее в политической борьбе. Воин не может быть членом политической партии, хотя бы исповедующей те же верования, что и он. И офицер старой Императорской Армии не мог состоять членом монархической партии, так же как не мог быть членом любой другой...

Значит ли это, что каждый из вас не может иметь своих политических убеждений, не может интересоваться политической жизнью своей страны? Конечно нет.

Мы, старые офицеры, мы, служившие при русском Императоре в дни славы и мощи России, мы, пережившие ее позор и унижение, мы не можем не быть монархистами. И воспитывая будущее поколение русских воинов, тех, кто вновь будет ковать мощь и славу нашей родины, мы можем лишь радоваться, что они мыслят так же, как и мы.

Но мы не можем допустить, чтобы, прикрываясь словами “Вера”, “Царь”, “Отечество”, офицеров вовлекали в политическую борьбу...

Три года тому назад, когда остатки Русской армии ушли в изгнание, те, кому Россия обязана своим позором, спешили довершить кайново дело. Гонимая всем миром, обескровленная и нищая, Русская армия мешала им, и Милюков кричал, что надо уничтожить “реакционную силу”, “спасти Россию от реставрации” и “армию от Врангеля”... Теперь кричат о “спасении армии от Врангеля” из другого лагеря...

Кричат, укрываясь за дорогие русскому офицеру слова.

Напрасно. Врагам я не боюсь смотреть в лицо и с пути долга не сойду. Этим путем, верю, пойдете и вы».

Врангель твердо проводил в жизнь принцип невмешательства Русской армии в политическую жизнь тех государств, где она находилась. Когда в 1923 году в Болгарии было свергнуто левое правительство Александра Стамболийского, враждебно относившееся к врангелевцам, Гучков написал барону: «Сообщите мне, участвовали ли Ваши контингенты в какой бы то ни было мере в болгарских событиях?» Главнокомандующий категорически опроверг сообщения английских газет о причастности воинских формирований белых

к свержению правительства Стамболийского. 8 сентября 1923 года Врангель издал приказ о запрещении армейским чинам входить в какие-либо политические организации и объединения.

Восьмого ноября 1922 года Врангель назначил помощником главнокомандующего Русской армией, то есть своим заместителем, Александра Павловича Кутепова. Ему были поручены непосредственные контакты во Франции с великим князем Николаем Николаевичем. Постепенно Кутепов все больше подпадал под влияние окружения великого князя и отдалялся от Врангеля.

Летом 1923 года Петр Николаевич понес тяжелую утрату: в городе Сремские Карловцы в возрасте 76 лет скончался его отец Николай Егорович Врангель.

Осенью 1923 года Врангель решил передать всю политическую и разведывательно-информационную работу в ведение великого князя Николая Николаевича, оставив себе лишь заботы о повседневном существовании солдат и офицеров. В распоряжение старейшего члена императорского дома были направлены генералы А. П. Кутепов и Н. А. Монкевиц для руководства «секретной работой в России». Однако они не смогли распознать крупномасштабную чекистскую провокацию — созданную людьми Дзержинского Монархическую организацию Центральной России, или «Трест». Монкевиц же, будто бы покончивший с собой в 1926 году, подозревался в том, что был завербован ОГПУ и тайно вывезен из Франции в СССР.

К осени 1924 года остатки Русской армии были расформированы и разоружены. Она перестала быть боевой единицей. Началось рассеяние всех военнослужащих Русской армии по разным странам и континентам. Стремясь сохранить кадры армии в условиях эмиграции, Врангель 1 сентября 1924 года издал приказ о создании Русского общевоинского союза (РОВС) первоначально в составе четырех отделов: 1-й отдел — Франция и Бельгия; 2-й — Германия, Австрия, Венгрия, Латвия, Эстония, Литва; 3-й — Болгария и Турция; 4-й — Королевство сербов, хорватов и словенцев, Греция и Румыния. РОВС объединял всех бывших участников белой борьбы. Он сочетал функции профсоюза, оказывающего помощь своим членам (в первую очередь — нетрудоспособным инвалидам, а также обремененным семьям безработным), и военных учреждений, занимающихся переподготовкой военнослужащих запаса. В ноябре 1924 года Врангель признал верховное руководство РОВСа за великим князем Николаем Николаевичем.

Тогда же Врангель говорил бывшему таврическому губернатору генералу М. Н. Скалону, что «давно от всякой политической работы отошел, ограничив свою деятельность заботой о своих соратниках». Он крайне скептически относился к организации «Трест», справедливо подозревая чекистскую провокацию.

В Сремских Карловцах Врангель получал от Чебышева, Шульгина и Климовича подробную информацию о «Тресте» и его программе. В одном из писем он отмечал: «Обращение ко мне Федорова и Волкова (псевдонимы Якушева и Потапова, руководителей “Треста”. — Б. С.) и само содержание их писем усиливает бывшие у меня ранее подозрения. Я не считаю себя вправе не сообщить их великому князю. Вместе с тем эти подозрения все же не непреложная уверенность, а потому убедительно прошу тебя, буде великий князь сочтет необходимым в интересах дела поддержать с ним (Якушевым. — Б. С.) дальнейшие сношения, чтобы это письмо и препровождаемые документы остались бы для всех, кроме тебя и великого князя, неизвестными». Однако Кутепов и великий князь все больше принимали «Трест» за чистую монету — очень уж им хотелось верить в существование в России мощной монархической организации, ориентирующейся на Николая Николаевича. Здесь психологический расчет чекистов был точен.

Задачей «Треста» было убедить вождей эмиграции, что в ожидании, пока монархическая организация возьмет власть в России, эмигранты не должны предпринимать «активных действий» в СССР, будь то разведка или террористические акты. К последним особенно тяготел Кутепов, вдохновленный примером эсеров. Врангель же был против «активных мероприятий», считая их бесполезным распылением сил. Советской власти такие мероприятия наносили в лучшем случае булавочные уколы, зато часто могли привести к гибели офицеров-добровольцев. Врангель мечтал когда-нибудь ударить по большевикам всей мощью армии, которую стремился сохранить в эмиграции.

С помощью организации «Трест» чекистам удалось на несколько лет практически парализовать деятельность монархических организаций внутри России. В 1922–1927 годах, пока действовал «Трест», терактов, осуществленных представителями белой эмиграции, в СССР не было, так как деятельность сторонников террора во главе с Кутеповым была парализована «трестовцами», а другие эмигрантские группировки, в том числе и врангелевская, террор отвергали.

Отношения Врангеля и Кутепова, обострившиеся из-за разногласий по вопросам стратегии и тактики борьбы, усугубились взаимной личной неприязнью. Кутепов явно считал, что он как «первопоходник» и командир Добровольческого корпуса имеет не меньше прав на то, чтобы возглавить военную эмиграцию, чем Врангель, примкнувший к Добровольческой армии уже на гребне ее успехов. Руководители «Треста» исподволь поддерживали у Александра Павловича это убеждение.

Кутепов по инициативе великого князя возглавил особую организацию, которая должна была вести «работу специального назначения по связи с Россией». Она называлась «внутренней линией» и ведала

засылкой в СССР офицеров-добровольцев для разведки, создания подпольных организаций и террора. Однако вся ее деятельность шла по линии «Треста», то есть фактически под контролем чекистов.

Вожди «Треста» настраивали Кутепова против Врангеля. Якушев писал одному из своих корреспондентов в эмиграции С. Войцеховскому: «В отношении Бородина (Кутепова. — Б. С.) можете, в частности, сказать, что мы ему доверяем и не предполагаем менять на Сергеева (Врангеля. — Б. С.)». И Кутепов летом 1925 года согласился по предложению Якушева войти в правление Монархической организации Центральной России.

История с «Трестом» скомпрометировала в итоге не только Кутепова, но и близкого к Врангелю Шульгина. После того как «трестовцы» в сентябре 1925 года заманили в СССР знаменитого британского разведчика Сиднея Рейли, который был арестован и расстрелян (чекисты инсценировали его гибель в перестрелке на советско-финской границе), для реабилитации «Треста» в глазах эмиграции Якушев предложил Шульгину совершить поездку в СССР и написать об этой поездке. (Эту книгу «Три столицы», ставшую в эмиграции бестселлером, предварительно подвергли цензуре на Лубянке.) Врангель предупреждал Шульгина, что тот имеет дело с чекистской провокацией, но Василий Витальевич ему не поверил. Кроме того, Шульгин считал, что в любом случае «Тресту» будет выгодно выпустить его обратно в эмиграцию, чтобы укрепить свой пошатнувшийся из-за дела Рейли престиж. Якушев к тому же хотел через Шульгина наладить связи с Врангелем, но это не удалось: после случая с Рейли барон уже несколько не сомневался, что «Трест» — чекистских рук дело. В письме Шатилову он писал о Кутепове: «Много сложнее вопрос о работе его в порученной ему великим князем области. Как показал опыт, работа эта гибельна для тех, кто там, в России, творит то же дело, что и мы... Говорить с великим князем, как показал опыт, бесполезно. Остается, быть может, одно — потребовать от А. П. или неопровержимые доказательства его утверждений, что работа его не потерпела краха, или потребовать от него от этой работы отойти... Удар по А. П. был бы ударом по в<еликому> к<нязю>. Мы стоим перед заколдованным кругом».

Петр Николаевич оказался весьма проницателен относительно советских агентов. Так, он еще в 1923 году заподозрил генерала Н. В. Скоблина, впоследствии сыгравшего видную роль в похищениях А. П. Кутепова и Е. К. Миллера, и отстранил его от командования полком. В 1926 году Скоблин попытался восстановить отношения с Врангелем, но тот его не принял.

В апреле 1927 года истории с «Трестом» пришел конец. Один из руководителей «Треста» в России, бывший савинковец Опперпут, перевербованный чекистами, вместе с агентами Кутепова Захарченко-Шульц, Радкевичем, Каринским и Шориным бежал

из России в Финляндию и там разоблачил «Трест» как творение Лубянки. Вскоре Опперпут был переброшен Кутеповым с группой офицеров в Россию для совершения теракта и погиб в перестрелке с чекистами.

Иногда высказывалось мнение, что «раскаianie» Опперпута было спланировано чекистами, чтобы дискредитировать уже Кутепова и Шульгина и покончить с «Трестом», против которого в эмиграции накапливалось все больше подозрений. Опперпут же вовсе не погиб, а просто инсценировкой смерти был выведен из игры и спокойно жил под другой фамилией. Однако вряд ли эта версия соответствует истине. Ведь после побега Опперпута ОГПУ пыталось сохранить «Трест». Генерал Н. М. Потапов по распоряжению чекистов написал Кутепову «объяснительное письмо», где утверждал, что, несмотря на провокаторство «азефа»* Опперпута, «Трест» остается жизнеспособной организацией: «Хладнокровию и распорядительности Рабиновича (А. А. Якушева. — Б. С.) мы обязаны тем, что кое-как овладели положением... В настоящий момент Рабинович находится, по-видимому, в относительной безопасности — связь с ним имеем... К счастью, кажется, никаких архивов Правления никогда у Касаткина (Опперпута. — Б. С.) не было».

Однако Кутепов больше в «Трест» не верил. Теперь он отправил в СССР несколько групп офицеров для осуществления терактов, жертвами которых стали рядовые партийцы и функционеры среднего звена. (После похищения Кутепова агентами ОГПУ в 1930 году новое руководство РОВСа от террора отказалось, вернувшись к врангелевской точке зрения. До Сталина и других партийных вождей террористы из РОВСа добраться не могли. Уничтожение же какого-нибудь секретаря обкома могло привести только к усилению репрессий и напрасным потерям лучших офицерских кадров.)

История с «Трестом» заставила Шульгина отказаться от политической деятельности. Теперь он со своими «Тремя столицами» превратился в посмешище для эмигрантской прессы. Кутепов остался на своем посту, но авторитет его оказался основательно подмочен. По поводу разоблачения «Треста» Врангель с возмущением писал генералу И. Г. Барбовичу: «Иностраннный отдел ГПУ оплачивался в значительной мере средствами, передававшимися советским Азефам самим генералом Кутеповым. Таким образом, те жалкие гроши, которые несли русские беженцы на национальную работу, шли, по существу, на содержание этого органа наших врагов, который эту работу разрушал».

---

* *Евно (Евгений) Азеф* (1869–1918) — руководитель Боевой организации эсеров и одновременно агент Охранного отделения, разоблаченный в 1908 г. Его имя стало нарицательным как обозначение предателя и провокатора. (Примеч. ред.)

Семья Врангеля в 1925 году переехала в Брюссель. Сам же Петр Николаевич с матерью остался в Сремских Карловцах, где среди прочих дел зимой 1926 года приступил к редактированию своих мемуаров. Врангель начал работу над ними еще в конце весны 1921 года в Константинополе и завершил их написание в декабре 1923-го в Сербии. Он стремился отстоять свою позицию в конфликте с Деникиным, который уже начал публикацию «Очерков русской смуты». Чтобы показать, что его мемуары были написаны еще до публикации тех томов «Очерков», где излагалась деникинская версия конфликта с Врангелем, Петр Николаевич в конце каждой главы поставил дату завершения работы над ней. В начале 1926 года он сказал матери: «...Я хочу, чтобы знали, что они написаны до деникинских записок, а не то, чтобы я оправдывался как бы на его обвинения».

В приказе по РОВСу от 14 января 1926 года Врангель отмечал: «...Как в бою разворачивается полк, разбивается на батальоны, роты, взводы, звенья, принимает рассыпной бой, так Армия, изгнанница из лагерей Галлиполи, Лемноса, Чаталджи, разошлась по братским славянским странам, рассыпалась по горам Македонии, шахтам Болгарии, заводам Франции, Бельгии, Нового Света. Рассыпалась, но осталась Армией — войнами, спаянными единой волей, связанными между собой и своими начальниками, одушевленными единым порывом, одной жертвенной готовностью. Среди тяжелых испытаний армия устояла. Не ослабла воля. Не угас огонь. Придет день, протрубит сбор, сомкнутся ряды, и вновь пойдём мы служить Родине. Бог не оставит нас, Россия не забудет».

Отсутствие единства в рядах эмиграции, в том числе и среди ее монархического крыла, вызывало у Врангеля все большее разочарование и укрепляло его в намерении уйти из политики. Оценивая итоги Русского зарубежного съезда², состоявшегося в апреле 1926 года в Париже, Петр Николаевич с горечью констатировал, что «общественность оказалась у разбитого корыта. Ни одна группа не оказалась достаточно сильной, и в чувстве собственного бессилия все ищут союзников». Эти слова он мог бы сказать и о самом себе.

В 1926 году барон передал пост главнокомандующего великому князю Николаю Николаевичу, оставив за собой только должность председателя РОВСа. Но великий князь оставался по большей части декоративной фигурой, фактически в дела военной эмиграции не вмешивался, и она по-прежнему была подконтрольной Врангелю и Кутепову.

Осенью 1926 года Петр Николаевич решил перебраться в Брюссель, где он получил место в одной из бельгийских фирм. 11 октября 1926 года в своей прощальной речи в зале Русского офицерского собрания в Белграде главнокомандующий говорил о «подвиге русского изгнанника»: «...потеряв Родину, достоинство, лишенный правовой защиты, безмолвно несет свой крест, блюдет достоинство русского

имени, непосильным трудом обеспечивает свою независимость. В Сербии, Болгарии, Франции, Бельгии, Германии, в Америке и на Дальнем Востоке — всюду, куда злая судьба забросила русских бездомников, они сумели заставить ценить русский труд, русские исключительные дарования. Во всех областях искусства, науки, прикладных знаний русский талант, русский гений, русская самообытность сумели завоевать себе и в Старом, и в Новом Свете мировую известность. В исключительных условиях существования вне родины сохранилась Русская Церковь, кадры старой Российской Армии, русская школа, русская печать. И всюду, куда забросила судьба русского человека, он сумел создать уголок России».

В ноябре 1926 года генерал Врангель выехал в сопровождении своего личного секретаря Н. М. Котляревского в Брюссель.

Средства, имевшиеся у Русской армии, практически иссякли уже к концу 1923 года. У РОВСа едва хватало денег на содержание канцелярии в Париже и начальников отделов в разных странах. Врангель не хотел быть обузой для соратников. Поэтому он рассчитывал, что жалованья инженера ему вполне хватит на содержание семьи. А доходы от мемуаров, которые, барон надеялся, будут получены после их перевода на иностранные языки, он предполагал пустить на нужды РОВСа. Другие члены его семьи тоже старались не сидеть без дела. Генерал А. А. фон Лампе после встречи с четой Врангелей записал в дневнике: «Ольга Михайловна при мастерской шляп своей сестры Треповой открыла модный отдел и работает там вместе со старшей дочерью Еленой, только что закончившей свое учение».

Сын барона Алексей Петрович Врангель писал в книге об отце: «Когда великий князь Николай стал главнокомандующим армией в эмиграции и его советники и ближайшее окружение установили полный контроль над остатками средств, на которые существовал Воинский Союз, Врангеля вынудили ликвидировать его штаб. Николай предложил выплачивать Врангелю из этих средств пенсию, от чего тот отказался, не желая получать содержание из взносов участников Союза...

Теща Врангеля на деньги, вырученные от продажи виллы в Австрии, приобретенной еще до войны ее мужем, купила в Бельгии небольшой дом. Туда и переехали в 1926 году супруги Врангель с двухлетним сыном, старой няней, поваром, а также ординарцем с женой».

С. А. Мацылев описывает одно из публичных появлений барона — в Париже в 1926 году, на обеде по подписке, устроенном в одном из больших, но скромных ресторанов на окраине города, предназначенных для свадеб и банкетов: «Задолго до назначенного часа стали собираться участники обеда. Еще в поездах метро их можно было легко отличить от французов: одетые в скромные, зачастую потертые костюмы, приобретенные по случаю, с неумело

завязанными галстухами, они сохранили свою прежнюю военную выправку. Зал быстро наполнился и гудел оживленными голосами. Старые соратники вновь встретились, и казалось, что статское платье они надели лишь временно, что надежда еще не потеряна на то, что вновь они облекутся в форму своих родных частей и снова пойдут на борьбу...

— Господа офицеры, — раздалась команда, и в зал вошел Врангель. Он тоже был в штатском, которое, по его признанию, не любил и не умел носить. Обед начался. Было произнесено много речей и тостов, во всех них звучала вера в лучшее будущее и неразрывная связь с тем, кто, несмотря на изменившееся положение, по-прежнему в сердце каждого оставался главнокомандующим, за которым все вновь пойдут без колебаний, если это будет суждено...»

Первого октября 1927 года генерал-майор А. А. фон Лампе приехал в Париж, где на вокзале Сен-Лазар встретился с Врангелем и его женой Ольгой Михайловной. Алексей Александрович поразился перемене, произошедшей с Врангелем: «...его настроение на этот раз показалось мне мало энергичным, не в пример всегдашним нашим встречам — пассивным», от «многих дел и дрызг... он в стороне не только на словах, но и в душе...», «это не тот ПН, каким я привык его видеть! Н. Н. Чебышев и П. Н. Шатилов спорили со мною и говорили, что я ошибаюсь в оценке ПН-ча. Дай Бог, чтобы правы были они. Я боюсь влияния Ольги Михайловны, которая год тому назад уже говорила мне, что Петру Николаевичу надо начинать жить для себя!..».

Во время встречи Врангель и фон Лампе обсудили проблему финансирования эмигрантского издания «Белое дело». В связи с этим фон Лампе отметил в дневнике: «У ПН нет выходов на тех, кто мог бы дать деньги на “Белое дело”...» Отсутствие выходов на потенциальных спонсоров сильно ограничивало влияние Врангеля на русскую эмиграцию и тот же РОВС. Оно все больше становилось моральным, но не материальным. Но зарабатывать деньги и жить для себя Петр Николаевич так и не научился до самой смерти. Главным для него оставались РОВС и забота о бывших чинах своей армии, их материальном положении и моральном духе.

Четырнадцатого января 1928 года в Брюсселе Врангель издал очередной приказ по РОВСу: «Ушел еще год. Десятый год русского лихолетия. Россию заменила Триэсерия (СССР. — Б. С.). Нашей Родиной владеет Интернационал. Но национальная Россия жива. Она не умрет, пока продолжается на русской земле борьба с поработителями Родины, пока сохраняется за рубежом готовая помочь этой борьбе зарубежная Армия.

Час падения Советской власти недалек. Наши силы понадобятся родине, и тем ценнее будут они, чем сплоченнее сохранится наша спайка, чем крепче останется дух.

Не обольщаясь призрачными возможностями, но не смущаясь горькими испытаниями, помня, что побеждает лишь тот, кто умеет хотеть, дерзать и терпеть, будем выполнять свой долг».

С. А. Мацылев вспоминал, что руководители белой эмиграции знали о расхождении между Врангелем и Кутеповым, но высоко ценили обоих, «которые по-разному стремятся к одной и той же цели — освобождению России»: «Врангель не одобряет ту работу, которую ведет Кутепов в России, считая, что она не даст положительных результатов и лишь вызовет жертвы среди лучших и наиболее активных чинов армии». Возможно, мемуарист был прав, когда писал, что генералы «в глубине сердец больно переживают эти несогласия». Подтверждением этому служит описанная им встреча в Галлиполийском собрании в феврале 1928 года: «...рабочий квартал Парижа со скучными, однообразно-серыми домами. Узкий проход ведет с улицы к небольшому двухэтажному особняку, который расположен как в колодце, окруженный более высокими домами. Скромный зал, переделанный из когда-то помещавшейся здесь мастерской. Стены украшены национальными флагами и портретами покойного Государя и вождей Белого движения. Один угол зала затянут занавесью — там помещается походная Галлиполийская церковь... Народу много, выделяется плотная, коренастая фигура генерала Кутепова... Входит Врангель... он осунулся и похудел, но по-прежнему в глазах молодой блеск. На несколько секунд он задерживается на лестнице, которая ведет в зал, окидывает его быстрым взглядом и прямо направляется к генералу Кутепову.

Все присутствующие знают, что между ними существуют разногласия...

— Здравствуй, Александр Павлович, — раздался несколько хриловатый голос Врангеля, — что же, ты теперь меня и узнавать не хочешь?.. На днях захожу в Мэзонетт позавтракать, вижу, что ты сидишь с кем-то за столиком, а ты на меня даже и внимания не обратил...

Кутепов улыбнулся и что-то ответил... Лед был сломан...»

Показательно, что в последние недели жизни Врангель внес в текст своих «Записок» довольно лестный отзыв: «Генерал Кутепов был начальник большой воинской доблести...»

Бывший офицер Белой армии К. Зайцев дал генералам сравнительную характеристику: «Кутепов и Врангель! В некоторых отношениях генерал Врангель, конечно, затмевал скромного и деловитого Кутепова. У ген. Врангеля был подлинный талант властвования. От него исходила некая поистине магическая сила, воздействие которой испытал всякий, кто хоть раз находился в его присутствии. Декоративно великолепный, он естественно повелевал, и окружающие его также естественно ему подчинялись. Власть его над массами была чудодейственной.

Кутепов не обладал подобными данными прирожденного правителя. Но поставим вопрос иначе. Кто мог, перебирая в своей памяти десятки и сотни знакомых ему имен из состава армии, остановить свой выбор на любом из них и, призвав в свой кабинет капитана или полковника, имярек, из их числа, сказать ему: «Полковник или капитан такой-то, у меня есть к вам дело; это очень ответственное поручение, и есть много оснований предполагать, что вы не вернетесь, если обстоятельства обернутся для вас неблагоприятно, — согласны ли вы взяться за него?» Кто мог задать такой вопрос сотням доблестных офицеров и быть уверенным, что не будет отказа и что поручение будет свято выполнено и окажется в руках человека беспредельно преданного и абсолютно верного? — Я полагаю, что другого такого человека нет в нашем зарубежье и не было его даже тогда, когда был в живых ген. Врангель».

Думается, однако, что офицеры и Врангелю не отказали бы в просьбе принять на себя поручение, связанное со смертельным риском. Но барон, в отличие от Кутепова, считал, что выполнение такого рода миссий в России в настоящее время бессмысленно. Если он и пытался создать какую-то агентурную сеть в СССР, то только с целью получения разведанных, чтобы понять, что именно там происходит. Однако нет достоверных данных, подтверждающих, что такая сеть была Врангелем действительно создана. Главное же — Петр Николаевич, имея некоторый политический опыт, прекрасно понимал, что на процессы, происходившие в Советском Союзе, эмиграция воздействовать не в состоянии. Печальный опыт «Треста» его убежденность только укрепил.

<...>

Поскольку иностранные и эмигрантские издательства одно за другим отказывались печатать мемуары Врангеля, он передал их главе 2-го отдела РОВСа генерал-майору А. А. фон Лампе для публикации в летописи «Белое дело». В феврале 1928 года барон вызвал его из Берлина в Брюссель, чтобы совместно с ним окончательно отредактировать свои воспоминания. По совету фон Лампе Петр Николаевич назвал их «Записками». Врангель вычеркнул из текста все критические характеристики Николая II и наиболее резкие высказывания в адрес Деникина. Врангель считал, что высказывания такого рода могут только разобщить эмиграцию, а он старался делать все для ее объединения.

Тем не менее последний приказ по РОВСу от 7 апреля 1928 года, который барон диктовал, уже будучи смертельно больным, был, по существу, продолжением его давней полемики с Деникиным. Он интересен не только содержанием, но и формой, будучи написан не от первого, а от третьего лица: «В печати в последнее время появилась переписка между Красным Офицером и генералом Деникиным³ и ряд статей, вызванных этой перепиской.

Главнокомандующий относится самым несочувственным образом к опубликованию этой переписки.

Прекрасно понимая, что значительная часть офицеров, находящихся в Советской России, не имела возможности, по тем или иным причинам, принять участие в “белой борьбе”, Главнокомандующий не считает возможным бросить им за это упрек и отдает должное их страданиям под игом большевистской власти. Но вместе с тем Генерал Врангель находит, что сношения с представителями Армии, верно служащей власти, поработившей нашу Родину и удушающей Русский Народ, недопустимо и напоминает “братание” на фронте, которое наблюдалось в ужасные дни 1917 года.

Опубликование упомянутой переписки вредно еще и потому, что в конечном результате она может посеять в умах сомнение в значении и смысле “белой борьбы”.

Главнокомандующий считает, что “белая борьба” — это единственная светлая страница на мрачном фоне Российской смуты, страница, которой участники “белой борьбы” по праву могут гордиться и признания морального значения коей обязаны требовать от всех.

Значение “белой борьбы”, сохранившей честь Национальной России, никогда не умрет.

Что касается вопроса о том, кому в будущей России будет принадлежать первое место, то Генерал Врангель находит даже поднимать его недостойным.

Вопрос этот у участников “белой борьбы” никогда не возникал, и когда офицеры, не исключая и старых генералов, шли в бой с поработителями Родины с винтовкой в руках рядовыми бойцами, никто из них не думал о том, какие места они займут в будущем, — их одушевляла, как одушевляет и ныне, одна мысль — об освобождении России.

Не может быть места для этого вопроса и после падения большевиков. Когда падет ненавистная власть, поработившая ныне нашу Родину, и воскреснет Национальная Россия, то для каждого будет величайшим счастьем отдать Ей все свои силы, как бы ни был скромнен предоставленный каждому удел.

К этому бескорыстному служению Родине мы, по мнению Главнокомандующего, и должны теперь все готовиться.

Генерал Врангель».

Барон был деятелен, не впадал в уныние и верил, что дождется наступления лучших времен, когда сможет исполнить провозглашенную в последнем приказе патриотическую миссию. Ничто не предвещало печального поворота его судьбы и столь стремительной развязки.

В январе 1928 года Врангель заболел гриппом, который протекал в тяжелой форме. Когда 14 февраля фон Лампе приехал из Парижа в Брюссель, он нашел Петра Николаевича уже поправлявшимся.

Тот, хотя «не был вполне здоров», почувствовав себя лучше, стал выходить на улицу. Это пренебрежение к своему здоровью, нетерпение деятельного человека, помешавшее ему долечиться, соблюдая постельный режим, привели к роковому исходу.

<...>

Утром 25 апреля 1928 года генерал Врангель умер. Последними его словами были: «Боже, храни армию!» и «Я слышу колокольный звон».

